

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА ИСТОРИЧЕСКОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РФ

The patriotism of historical Russia and problems of development of the Russian Federation

Некрасов С.Н., доктор философских наук, профессор,
Сосновских Д.С., старший преподаватель,
Уральского государственного аграрного университета
(Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42)

Аннотация

Сегодня в мире упадка классического проекта Модерна эпохи Просвещения возникли несколько радикально друг от друга отличающихся социумов. По итогам понимания современной эпохи и ее основного противоречия может формироваться новая форма российского патриотизма, когда молодое поколение начинает себя идентифицировать с проектом русского сверхмодерна как прорыва в будущее. Сегодняшним многоликим патриотам отдельных фрагментов прошлого, настоящего и будущего России нужны принципиально новые науки о России, Западе и других социальных системах, а также научная культурологическая интегральная гуманитарная дисциплина, делающая универсальными эти науки. Сегодня мы имеем несколько мир-систем на планете - все они обладают собственными гуманитарными технологиями и традиционными ценностями и требуют для понимания в системе русского сознания обучению переходным программам-трансформерам. Руководство страны и ученые под предлогом конституционного запрета 1993 г. на государственную идеологию вообще не дают определения современной эпохи, но тогда всем непонятно, к какому этапу развития России относятся исследования: к постиндустриальному, постсоветскому, буржуазному, мутантному, информационному обществу, цивилизации «третьей волны»? Проблема обеспечения национальной безопасности и задачи развития системы образования тесно связаны между собой благодаря тому обстоятельству, что с системой образования взрослых связаны интересы большого числа людей. Возникает вопрос, какой тип личности-патриота должна формировать историческая Россия каждый раз на новом этапе своего развития? Что произошло с этим типом личности в 90 гг. XX века?

Ключевые слова: проект Постмодерна, русский Сверхмодерн, новые науки о России, посткапиталистическое будущее, социокультурные коды, программы-трансформеры, индекс человеческого развития, восстановление классической системы образования.

Abstract

In the world today is the decline of the classical Modernist project of the Enlightenment, there were several radically from each other in different societies. Following the understanding of the modern epoch and its main contradictions may emerge a new form of Russian patriotism, when the younger generation is starting to identify with the project of the Russian overmodern as a breakthrough in the future. Today's patriots diverse individual fragments of the past, present and future of Russia needs a fundamentally new science of Russia, the West and other social systems and cultural science integrated Humanities, making these universal science. Today we have several world-systems on the planet - they all have their own humanitarian technologies and traditional values and demand for understanding in the system of Russian consciousness training transitional programs-transformers. The country's leaders and scholars under the pretext of the constitutional prohibition of 1993 in state ideology do not define the modern era, but then it is unclear to what stage of development of Russia included studies: towards a post-industrial, post-Soviet, bourgeois, mutant, information society, civilization, the "third wave"? The problem of providing national security and problems of development of the education system are closely linked due to the fact that the adult education system linked to the interests of a large number of people. The question arises, what type of person, a patriot should form the his-

toric Russian every time a new stage of its development? What happened to this type of person in the 90 years of the twentieth century?

Keywords: the project of Postmodernism, Russian Guy, a new science of Russia, post-capitalist future, socio-cultural codes, the programs-transformers, human development index, the recovery of classical education.

Интерес к новым формам массового мифологического сознания в XXI веке связан с тем, что уже сегодня в мире упадка классического проекта Модерна эпохи Просвещения возникли несколько радикально друг от друга отличающихся социумов - реализованный проект Постмодерна (Запад), реализующийся в арабском мире в духе ориентализма и погружения в регресс западными державами проект Контрмодерна, успешно осуществляющийся региональный Модерн на Дальнем Востоке и Китае. В этом мире столкновения глобальных проектов у России с ее евразийскими союзниками по БРИК и ШОС остается одна возможность - вписаться в один из проектов. Или нам следует реализовать собственный русский Сверхмодерн, подобный рывку совершенному Советской Россией в 30 гг. прошлого столетия. Такой прорыв возможен только на базе адекватного понимания собственного социума и разработки своих гуманитарных технологий. Именно по итогам понимания современной эпохи и ее основного противоречия может формироваться новая форма российского патриотизма, когда молодое поколение начинает себя четко идентифицировать с проектом русского сверхмодерна как прорыва в будущее.

Нам нужна наука адекватная нашему социуму и нашему типу личности

Если мы хотим понять свой социум, его место в мире, нам нужна наука, методологически и понятийно адекватная нашему социуму и нашему типу личности, а не вталкивающая его в прокрустово ложе западных или восточных традиционалистских схем. Аналогичным образом нужны «свои» обществоведения, а точнее - социальные системологии для каждой крупной исторической системы. Последних на всю историю человечества и наши дни не так уж много – шесть-семь, в зависимости от угла зрения. Для каждой системы должен быть свой понятийный аппарат, свой набор дисциплин, свой язык. Так, социология и политическая наука могут быть лишь элементами науки о буржуазном обществе (буржуазоведение, буржуалогия, капиталоведение), которая, в свою очередь, не может быть ничем иным, как элементом оксидентализма - науки о Западе. Известно, что Запад не удовлетворился образом «азиатский способ производства» и создал ориентализм - науку как форму власти-знания о Востоке, но не создал таковой науки о самом себе. Именно поэтому книги А. А. Зиновьева о Западе как неангажированный взгляд извне чрезвычайно востребованы на самом Западе, несмотря на все их шокирующие названия - «Глобальный человек», «Западнизм».[1] Кстати, личность западного человека он называет достаточно смело - «западоид».

Итак, всем нам как сегодняшним многообразным патриотам отдельных фрагментов прошлого, настоящего и будущего России нужны принципиально новые науки о России, Западе и других социальных системах, а также научная культурологическая интегральная гуманитарная дисциплина, делающая универсальными эти науки. Гуманитарные технологии станут главными в битвах XXI века за посткапиталистическое будущее. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения с его универалистскими гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями, породившими проект архаичного фашизма - вместе с

эпохой Просвещения исчезает Модерн, капитализм, сам Библейский толпо-элитарный проект, который был средством управления массами людей в течение двух тысяч лет.

Архаическая модель социокультурных процессов и новые креативные формы проявления социального мифа

Исследование фольклорных материалов, описывающих древние представления русского народа об обществе, позволяет представить их как архаическую модель социокультурных процессов, а изучение социокультурных моделей исторических периодов позволяет говорить каждый раз о новой «креативной» форме проявления социального мифа. Выявленные нами элементы (род, рота, правда) древнерусской культуры оказываются возможными вариантами инструментов и образов, раскрывающих тайну становления современной социокультурной действительности, причем реконструкция естественных архаических мифологических категорий позволяет прогнозировать потребную социокультурную модель развития современного российского общества.

Речь идет об упоминаемой в Русских Ведах идеи вселенского закона [2]. Этот закон в силу своей природы не может быть выражен ни в привычных современной эпохе словесных выражениях, ни в математических формулах. Однако древние понимали его интуитивно, во всей его цельности, и при необходимости прямо или намеками указывали на его присутствие в тех или иных частных проявлениях сущего либо на факт нарушения или искривления этого основополагающего принципа.

Древнерусская литература сохранила упоминание о вселенском законе – роте, неоднократно встречающемся в летописях, былинах, Церковных поучениях против язычества. Например, термин «рота» очень активно используется в «Повести временных лет»: «Азь Святославъ, князь русский. Якоже кляхъся, и утверждаю на свещанье сем роту свою: хочу иметь мир и любовь со всяким царем греческим...до конца века» [3]. Внимание на данное явление русской культуры обратили еще в XIX веке такие исследователи, как И.И. Срезневский, А.Н. Афанасьев, М.В. Шахматов. Срезневский упоминает термин «рота» в смысле присяги, клятвенного уверения, как термин юридического характера, принадлежащий всем славянам [4].

Рота – слово универсум, встречается практически у всех индоевропейских народов: у индийцев – это Рита, в Иране – арта, у греков – арета, латинян – веритас, у скандинавов – реттр, что означает «мир как целое» или «все сущее» [5]. На Руси рота означала присягу, клятву, договор как основу вселенского закона, согласно которому обязаны жить и боги и люди. Нарушение роты, равно как и основанных на ней договора и клятвы, в том числе и в суде, ставило под угрозу само устройство Космоса и потому обрекало преступника на гибель как со стороны самой роты, так и со стороны верховных богов – ее хранителей. Любое нарушение ослабляло вселенский закон, расшатывало устои, на которых держался космос и воспроизводящее его строение человеческое общество.

Мы исходим из того, что социальная мифология является одним из основных элементов современной социокультурной ситуации, так как ее основы были заложены древним языческим наследием, обеспечивающим скрытое развитие культуры и направляющим социокультурные процессы. Социальная мифология подспудно формирует господствующую светскую идеологию и представляет собой систему инвариантных представлений, заставляющих общество постоянно «проживать» опыт предков, разгадывать древние социокультурные коды, представленные в мифологических формах. Сейчас наш народ мучительно размышляет над исторической миссией огромного пространства оставленного ему многочисленными поколе-

ниями предков в кольчугах и кафтанах, буденовках, фуражках и бейсболках. Недаром прежний директор Института российской истории РАН А.Н. Сахаров сообщал при невозможности дать прямой ответ на вопрос о судьбах России, что он просто «верит в мистическую силу русской равнины».

Важнейшими составляющими русской социальной мифологии являются категории Рода как принципа социальной организации, Правды как определяющей и направляющей силы всех социальных процессов. Она содержит правила, на которые следует опираться человеку, причем Рода выступает как связующее звено между идеологом правды и исполнителем. Поскольку данные категории формируются в языческих представлениях, они продолжают работать в разных социокультурных моделях жизни страны и ее народа. Любое проникновение «чуждых» мифологических систем в российскую культуру, способно вызвать изменения в текущем социокультурном процессе, что может привести к нарушению социальной организации и гибели культуры. Само принятие научного представления о российской социальной мифологии как социокультурном феномене может означать обретение социумом самостоятельного статуса в мировом социокультурном пространстве, что необходимо для создания равноправного взаимодействия с культурами мира.

Модернизация как ломка архаических моделей мышления народа

Сегодня мы имеем несколько мир-систем на планете - все они обладают собственными гуманитарными технологиями и традиционными ценностями и требуют для понимания в системе русского сознания обучению переходным программам-трансформерам. В случае непонимания специфики систем можно утратить собственную систему ценностей, запустить в нее чужие программные коды под видом новых гуманитарных технологий. В 1980 гг. западные политологи говорили о нескольких чертах, характеризующих «современное демократическое общество» и отмечали, что СССР для перехода в состояние «открытого общества» лишь не хватает двух – трёх социальных характеристик. М. С. Горбачёв по совету бездарных и продажных помощников пытался добавить в наш социум эти две – три «лично ориентированные характеристики»: «права человека», «демократия», «рыночные реформы». Эти характеристики наложились на закон о кооперации, разрушение министерской системы управления предприятиями, отмену монополии внешней торговли. Результат налицо: СССР погиб, так и не став исторической Россией. Аналогичная проблема стоит сейчас перед динамично становящейся РФ, которая еще не Россия. Мы настаиваем на сохранении традиции формирования и трансляции культурного опыта предков как условия сбережения Родины в ее единстве и непрерывности народной жизни. Что может быть выше этого благородного замысла!

Судьба России в быстро меняющемся мире третьего тысячелетия связана, прежде всего, с культурными, культурологически фиксируемыми особенностями бытия России, с научным выявлением культурного инвариантного ядра ее исторического развития. Обращение к современной политической культуре и системе образования (его называю сегодня «паленым»), когда многие процессы и явления ещё только разворачиваются и не имеют устойчивых очертаний, предполагает возможность практической коррекции социокультурной динамики Российской Федерации как нового государственного образования в его преемственности с тысячелетней историей нашего народа.

Вся ушедшая в прошлое историческая Россия в виде ядра традиций политической культуры сегодня задает динамику новой России, возникшей на руинах СССР, который, равно как и современная РФ все же не состоялся в качестве России. Политическая элита РФ мо-

жет быть уподоблена пингвинам, восседающим на айсберге и воображающим, что именно они управляют его движением, но на самом деле подчиненным таинственным потокам вод океана. Перед нами стоит задача целостного изучения политических традиций России - ядра скрытой части айсберга, направляющего, в конечном счете, все движение. Впрочем, вся эта тематика, говоря иносказательно, «мистической силы русской равнины» выходит за рамки настоящего исследования. Она является предметом коллективных исследований последующих поколений ученых-культурологов, политологов, правоведов, поскольку она связана с объективным и длительным процессом становления Российской Федерации в качестве преемницы исторической России. Пока же мы не можем ответить на вопрос, каковы истоки сепаратизма и регионализма и является ли сепаратизм, равно как и сама способность России периодически распадаться, нашей политической традицией. Руководство страны и ученые под предлогом конституционного запрета 1993 г. на государственную идеологию вообще не дают определения современной эпохи, но тогда всем нам непонятно, к какому этапу развития России относятся его исследования: к постиндустриальному, постсоветскому, буржуазному, мутантному, информационному обществу, цивилизации «третьей волны»? В сознании общества отсутствует и классовый подход к пониманию общества и культуры, к традициям политической культуры и системы образования, хотя, как известно из истории, господствующей культурой в обществе была и остается культура господствующего класса. Какой патриотизм возможен в этих условиях, когда РФ еще не стала Россией? Возможно только формирование патриотизма большой исторической России. Но для этого необходимо формирование типа личности соответствующего историческому типу русского человека в большой исторической России.

Формирование патриотизма большой исторической России

Еще И.Г. Гердер писал, что всякий народ есть мысль Бога о чем-то [6]. Германские народы вышли на арену истории с понятием чести, американцы благословили стяжание как фундамент трудовой этики протестантизма. Японцы вырвались на передовые рубежи науки и техники, руководствуясь исключительно идеей патриотизма и корпоративности. Русские и поныне понимают жизнь как подвиг, но не как мгновенную вспышку античного героизма, а как служение великому началу на протяжении всей жизни. Человека, отдающего всю жизнь служению народу, на Руси почитали благородным. Благородство по-разному понималось в разных слоях общества – у дворян действовал кодекс чести, у служилого сословия – наставления о службе, вере и предупреждению соблазнов. Идеал западного человека – герой, одолевающий внешние препятствия, ему не обязательно быть самому нравственно-чистым, достаточно служить интересам своей группы, класса.

Русский идеал человека – подвижник, понимающий, что общественная жизнь – процесс богочеловеческий, которому должно способствовать в меру сил, а мера успеха будет определяться степенью его нравственной чистоты. Перестроечное понимание того, что нравственность может основываться только на религиозных заповедях, на Абсолюте, предполагало, что всякий иной подход к нравственности сводит ее к системе условностей. Получалось, что из всех мировых религий наиболее совершенное – христианство, ибо это учение не продиктовано Богом, живущим на небе (иудаизм), мудрым человеком (буддизм, конфуцианство), пророком (ислам). Христианство принесено на Землю, сошедшим на нее самыми живым Богом, а из всех христианских учений самое чистое – Православие. Католицизм соблазнился идеей земного царства, протестантизм выразил буржуазный индивидуализм и благословил стяжательство, то есть вернулся от Нового Завета к Ветхому, по сути, к иудаизму. Православие

пронизало весь строй русской жизни, а монашество, несмотря на свой упадок, после реформ Петра I и Екатерины II оказывало влияние на культуру и нравственность народа через деятельность подвижников – русских народных интеллигентов. Так, деятельность подвижников – старцев Оптиной Пустыни не сводилась к интеллигентности и культуре, она имела высший источник, звала человека к высокому идеалу. Целью для них была не интеллигентность, но праведность, стяжание Святого Духа.

Эта атмосфера создания светлого идеала истинно воспитанного человека сохранилась в русской деревне вплоть до коллективизации. Коммунисты, а до них французские просветители, определившие религию как «опиум для народа» (у К. Маркса, это более точное определение - «опиум народа») [7], трактовали христианство как выдумку привилегированных классов общества. Отрицание религии как конкурента в борьбе за массы превратилось в свирепую ненависть в Церкви, в стремление всеми силами вытравить религиозность из души человека. Однако и в советской культуре многие черты и свойства русского народа сохранились в неприкосновенности. Нашему народу свойственно искание добра для всего человечества, смысла жизни, в контексте чего служение идеалу коммунизма и реорганизация общественной жизни были для В.И. Ленина и его сторонников своего рода религией. Уже Н.О. Лосский пишет, что работы К. Маркса и Ф. Энгельса играли в их мышлении и поведении такую же роль, как священное писание в жизни христиан.[8] Нельзя забывать, что основой советской государственности был русский народ, воплотивший свою универсальную культуру в советскую социально-политическую модель.

Казалось бы, самый простой выход из сегодняшнего кризиса – реставрация СССР. Геополитический реставрационизм некоммунистов исторически оправдан и более перспективен, нежели безответственные узконационалистические проекты славянофильского монархического и расистского крыла патриотов. Однако крах советской империи не может быть объяснено «теорией заговора» и чтобы не наступать во второй раз на «красные грабли», следует зафиксировать несколько факторов, приведших Советский Союз к полному краху.

В первую очередь следует отметить застывание правящей идеологии господствующей партии. Отказ от введения в эту идеологию национальных компонентов русского мировоззрения, связанных с традиционной духовностью народа. Вместо этого – атеизм, прогрессизм, материализм и этика Просвещения встали барьером на пути русской духовности в советскую эпоху. «Не пачкайте социализм религией» - примерно так выражался по воспоминаниям современников в устных беседах В.И. Ленин. Поскольку в геополитическом смысле СССР был неконкурентоспособен для сопротивления западному атлантистскому блоку, единственной мощью СССР оставалась ее идеологическая форма. Протяженность сухопутных границ, защищенность американского острова, положение европейских народов в качестве заложников не позволили империи приобрести стабильность путем броска на Юг или на Запад, потому воссоздание СССР и ОВД приведет к строительству обреченной на гибель геополитической модели.

Административное устройство СССР, в котором уютно жила и помещалась советская интеллигенция, основывалась на территориальном принципе. Этот принцип в последние десятилетия все больше создавал советское государство – нацию и атрофировал имперское начала. В итоге прошел «парад суверенитетов» и разнес в клочья одряхлевшую империю. Прежде русские не позволяли народам Востока уничтожать друг друга в бессмысленной резне. И.Л. Солоневич описывает, как на земляных работах кавказцы вынуждены были расставаться с кинжалами и сдавать их на день под охрану русских в отдельный барак, как туземцы наполнялись благоговейным страхом перед знаниями русского инженера машин и механизмов.[9]

Сама экономическая система СССР была настолько сложной, что в ней терялся конкретный человек – в результате коренные преимущества социализма для России становились незаметными за работой большой бездушной машины. Коммунисты оказались неспособными в ходе перестройки реформировать социализм, применить его принципы к стихии народной жизни и закономерно утратили власть. Поэтому интеллигенция, породившая мессианский образ социализма и воплотившая его на практике, сама же его похоронила, не дожидаясь 70-летнего юбилея последнего великого государства планеты.

Что произошло с массовым русским историческим человеком?

Что же произошло с массовым русским историческим человеком, через какие деформации он прошел? Ответ на этот вопрос нам нужен для того, чтобы определить нужный истории чистый тип человека-патриота. Уже первое российское правительство 1991 г. полностью оправдало прогнозы Н. Бердяева и Л. Троцкого о неизбежности капиталистической реставрации, которая ввергнет страну в хаос. Н.А. Бердяев отмечал, что русский коммунизм породил молодое поколение, которое понимало задачу экономического развития не как личный интерес, но как общественное служение и как высшую духовную интенцию собственного развития [10]. Внутренние противоречия сталинского режима привели к исчезновению энтузиазма под давлением тоталитарного государства, что привело к появлению шкурничества и опасности обуржуазивания.

В.З. Роговин пишет: «Негативный социальный пример разложившейся бюрократии, единственным мотивом которой стал инстинкт самосохранения, способствовал иссяканию нравственности и энтузиазма советского народа, утверждению в его самых разных слоях шкурнических мелкобуржуазных инстинктов»[11]. Этот процесс, развивавшийся на протяжении десятилетий, явился одной из главных причин перерождения перестройки в «дикую капитализацию» и распад советского общества.

В другой работе автор пишет, что предпосылкой «советского термидора» стала кристаллизация нового правящего слоя профессионалов власти, поставленных в привилегированное положение и прикрывавшихся перед массами идеей социализма.[12] В другой работе того же автора отмечается, что в следующем поколении эта социальная среда закономерно выдвинула и выпестовала таких лиц, которые в подходящий момент превратились в открытых ренегатов коммунизма - Горбачева, Ельцина, Яковлева, равно как и большинство президентов новых государств, образовавшихся на развалинах СССР».[13] Еще в одной работе автор выражает уверенность, что «капитализм, несмотря на вызревшие в его недрах гигантские производительные силы, неспособен вести вперед мировое хозяйство и культуру. Раньше или позже станет неизбежным прилив новой социалистической волны, новый подъем левых сил»[14].

Очевидно, что новый геополитический мессианизм России может быть назван народным. Ни монашество, ни интеллигенция, но сам народ стремится построить новую Россию, используя нынешнюю государственную форму Р.Ф. в качестве стартовой площадки. В новой России и в ее Духе будут сочетаться имперская форма, коммунистическая идея, либеральные ценности и патриотизм. Один из «конструкторов» нового русского будущего подчеркивает «Мы рухнули из-за продажности и развязвленности правящих кругов. Причина нашей национальной катастрофы – нематериальна. Она коренится в утрате духа, здоровой иерархии и наследия предков. Нам до боли жаль Империю, в которую мог превратиться Советский Союз. Нам надо было еще изваять ее, словно скульптуру, придавая колоссальной глыбе имперские формы, державную гармонию. Но вместо этого глыбу разбили на уродливые изломанные куски»[15].

Автор полагает, что в 1985 г. страна стояла у дверей в совершенно новый мир силы и богатства, но нас отбросили от них «предательски всадив нож в спину». В том же конспирологическом духе и с надеждой на возврат в исходное состояние работает и такой серьезный ученый, главный редактор интеллектуальной газеты «Дуэль» как Ю.И. Мухин.[16] Но автор в описании «великой апрельской дерьмократической революции» утрачивает всякую мессианскую перспективу в понимании отечественной истории, он впадает в откровенную утопию, говоря о демократизации экономики на путях борьбы с «мудрачеством в управлении».

Абсолютно конспирологическую версию наведения «Нового Мирового Порядка» в России выстраивает В.В. Жириновский, говоря о тайном приговоре православной державе, рассуждая о «Михаиле Меченом, рожденным в день царевубийств», о США как международном ОМОНе и о «пятой колонне в России». В конце своего исследования автор вскрывает «известный Л.М. Кагановичу зловещий закон времени»[17].

Осознание новой роли России в мире предполагает и паллиативный вариант – отказ от мессианства при сохранении исторической роли и миссии. Так, Г.Ф. Хохряков утверждает: «Россия отказывается от мессианства. Достаточно жертвовать собой и требовать жертвы от других. Однако она не имеет права забывать о своей исторической миссии. Россия – место между Западом и Востоком ... Россия – это не просто взаимообмен культур, она подобна плавильне, где из множества составляющих образуется своеобразный, непохожий ни на одну из примесей сплав».[18] Автор усматривает в формуле «Москва – Третий Рим» нечто большее, чем преемственность в православии. Для него Россия – буфер между крайностями, которые сосуществуют, если противоположности плавно переходят из одной в другую. Распад СССР уже привел к поляризации и накоплению отрицательных зарядов на концах противоположностей. Опасность ныне в том, что противоположности начнут соприкасаться своими воспаленными краями.

Россия должна быть единой и сильной

Много веков нужно, чтобы сблизилась культуры, поэтому исчезновение буфера – трагедия для всего мира. Россия должна быть единой и сильной. Очевидно, что Россия должна учесть печальный опыт СССР, тем более, что технический прогресс сделал мир тесным и единым, но стране необходимо и впредь исполнять свою историческую миссию, укреплять дружеские отношения с соседями, которые также являются выражением исторической судьбы. Россия обречена быть союзом народов, ибо в этом заключены бесценные преимущества нашего генофонда. Демографы отмечают, что в России наиболее плодотворными становятся смешанные браки, в них больше детей и больше талантов, меньше пьяниц, наркоманов и самоубийц. Если этот стихийный процесс оздоровления нации будет дополнен планомерными государственными мерами нового Президента России по укреплению и расширению семьи, то русская нация будет возрождена и мир станет свидетелем рождения новой российской цивилизации XXI в.

Необходимо остановить вымирание русского народа, ибо ежегодно численность русских сокращается на миллион. Еще сегодня ядро русского этноса крепко и легко переносит «вливание свежей крови». Россия нуждается в некоем третьем пути, который больше всего будет напоминать ленинский НЭП и дэнсяопиновский Китай. Русским изначально принадлежит заглавная роль в строительстве России, и это не жертва, а подвиг, вытекающий из характера русского человека. И.В. Сталин, поднявший знаменитый тост за русский народ как «руководящую силу Советского Союза среди народов нашей страны, как руководящий народ, имеющий ясный ум, стойкий характер и терпение», в сущности, издевался над народом, ибо сам

создал тоталитарную систему подавления, при которой народ не мог послать вон бездарное сталинское правительство [19].

Русский – государственник, и в этом нет ни тайн «русской души», ни рабской психологии (К. Маркс), а есть исторический урок, ибо раз ослабла государева десница – жди чужеземца. Такой долгое время была участь народа, волею истории расположенного между Востоком и Западом. Русский народ подобно ледяному панцирю сковывал мир национальных и националистических эгоизмов малых народов, сохранял их генофонд для будущего и в этом заключена была многие века истории объективная роль русского народа. Сегодня Россия как никогда нуждается в проявлении государственной воли народа. Г.Д. Гачев фиксирует в психике русского человека кричащее (для него) противоречие – «Он застенчив, стыдлив, кроток и нагл, самоуверен. Но это в разных местах и отношениях. У себя дома, на Руси, он неуверен и чувствует себя виноватым»[20]. Автор продолжает – и совсем другая психика, и душа, и самочувствие у русского на стороне – там, куда он пришел в порядке мессианского расширения Руси и где он уже пришелец и начальник, полагающий начало новой жизни тут как цивилизатор: «И верно – он несет Русский Логос – Универсум слова, раздвигает покров Небес. Но он также устанавливает свои привычки и порядки как всеобщие и присущие – и переучивает всех жить и мыслить, и страдать, и что делать. И тут он слишком самоуверен, и ограничен, и незыблем – начальник не может поступаться принципами («началами» по-латыни) – перед лицом всего мира, и Юга, и Запада, и Востока. И совсем не слышит другое слово и опыт, и сознание. И это в разлад с той всевосприимчивостью. И всепониманием, о чем Достоевский и Блок и другие – как черте русской души...».[21]

Г.Д. Гачев приписывает русским стремление «делать ничего» как объект труда, где небытие и пустота – как изделие. Влечение к небытию, к смерти, к гибели для него это исток знаменитой жертвенности русских и готовности умирать и рожать «Все как один умрем в борьбе за это!». Вот под это обличье идеала может что угодно встроиться – и царствие небесное, и мировая революция и смерть всеобщая. Автор именуется себя «русскоязычным» в этих «неосторожных соображениях», названных «Русь – жертва России», ибо говорит о русскоязычной цивилизации, сообщая нам, что встретил знакомого, заметившего ему - «И пишешь ты как-то странно, вроде на русском, а не по – русски. Все-таки чувствуется не наш».

Размышляя о причинах ухода русских к «своеязычным» - ухода мужика от своей бабы (Руси), Г.Д. Гачев разбирает сюжеты диалога «в русскоязычных Логоса с Этносом», двух женщин - Руси и России, застенчивости и самоуверенности в русском человеке, наконец, «сюжет с еврейством» и его остроту в ходе русской революции. Он пишет: «А между тем, когда миллионы дворян и интеллигентов были изгнаны из России, святы места интеллигенции волей-неволей заняты были юркими евреями из местечек - пока-то прочухается русак с его замедленным, по природе-берлоге, темпоритмом!.. Вот и стало еврейство тут законничать, а закон-то знали - как Тору и Талмуд, и выработали из марксизма и социализма - идеологию начетническую, буквалистскую, что цепенила умы. Так же «ам-хаареца» - «человека земли» традиционно презирали в иудействе - как низшего, и, не имея понятия о земледелии, крестьянина (еще и - христианина) - в низший разряд отрядили в сравнении с классом - мессией, по Марксу, - пролетариатом».[22]

«Грех великий произошел» по недоразумению

Так что «грех великий произошел» ...во многом по недоразумению, а не по злой воле. Получился в 20-30 гг. «еврейский Ренессанс», когда потенциал малого народа диаспоры пружинно распрямился. В 90-е же годы произошло прямое фарисейское «отщепление» от наро-

да, смело названного «совками» - начиналось все с писательских организаций и завершилось в Пен-Центре. О.А. Платонов пишет «Подобно своим соплеменникам эпохи 20-х годов, еврейские революционеры 90-х кинули клич о необходимости перестройки «менталитета» Русского народа на новых основаниях. В области образования интеллигенция «малого народа» выдвигает много «новых» идей - преодоление тоталитаризма, плюрализм школ, формирование «новой ментальности» и «толерантного сознания», выработку у учащихся навыков в американском духе «желания бороться и самоутверждаться», изменение «сознания ближайших поколений нации».[23]

Главной целью таких реформаторов духовного наследия является полное уничтожение русского национального сознания. В результате исчез и ренессанс малых народов - после революционного обособления их интеллигенции от русской творческой интеллигенции оказалось, что «король голый» - новая культура стала рождать лишь кич. Возник фундаментальный идеологический кризис, преодолев в 60-70 гг. недостатки сталинской формы идеологии, суловский агитпроп способствовал более обширному идеологическому кризису марксизма-ленинизма как общей идеологии коммунизма. В результате идеологический цинизм уничтожил остатки воли народа и разрушил его веру. Если в годы сталинизма господствовала уверенность в том, что коммунизм несет освобождение трудящихся от зол капиталистического строя, то уже в хрущевские годы аппаратчики как активная часть населения увидели расхождение между утверждением о рае и реальность. А.А. Зиновьев показывает: «Горбачевская политика гласности углубила и расширила идеологический кризис. Началось безудержное и бесконтрольное словоблудие, мазохистское саморазоблачение, оплевывание всех святынь советской истории, очернение советской реальности. Все истины марксизма-ленинизма были подвержены сомнению и осмеянию, Всякая защита даже бесспорных истин его рассматривалась как признак реакционности и отсталости. Стало неприличным произносить само слово «коммунизм».[24]

Добавим, что дискредитация идеологии стала стимулироваться сверху по инициативе лично М.С. Горбачева и под его контролем. Реформаторская суэта стала рассматриваться горбачевцами как революция, в ходе которой были использованы вместо идеологии безумные писания множества ученых советников, дискредитировавших само звание науки и объявивших ученых со здравыми суждениями ретроградами. Крах государственной идеологии открыл путь к измене интеллигенции своему призванию и к интеллектуальному засорению сознания народа, который потерял свою эпохальную цель - ориентацию на полный коммунизм. Последняя сдерживала мещанские процессы (получившие название «вещизма») [25] еще была надежда на лучшую жизнь. Теперь даже демократические свободы и права человека отошли на второй план перед материальным благополучием мещан - правами и свободами сыт не будешь. Но главное - разрушилось сознание исторической миссии советского народа и осознание внешнего эпохального врага, принявшего образ вождя царства свободы - реального коммунизма. Разрушилось фундаментальное чувство о Москве как Третьем Риме, ибо Запад был воспринят как четвертый Рим. Большой размах получила нелегальная «кухонная» критика социалистического образа жизни - сформировалась человеческая масса, готовая к бунту и настроенная антикоммунистически. Страну охватила эпидемия предательства и популизма. Интеллигенция стала призывать либо к продолжению перестройки, либо к радикальной перестройке - реформированию, но никак не к контрперестройке как выходе из кризиса.

Поэтому сегодня интеллигенция без всяких на то оснований ассоциируется с либерализмом. Такая ассоциация, разумеется, носит негативный характер еще и вследствие стародавние-

го налета диссидентства интеллигенции, отъезда некоторых ее представителей на Запад и возврата в разгар перестройки к духовно близким горбачевским аппаратчикам. И сегодня (как во время «Вех») общественное сознание по инерции исходит из заблуждения - русская интеллигенция - носитель либеральных, антигосударственных идей, она антипатриотична в целом. Даже нынешняя мода на «государственников по убеждениям» в политике еще не позволяет отделить либеральную часть интеллигенции от всей ее массы.

Библиографический список

1. *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. М. : Центрполиграф, 2000.
2. Русские Веды / реставр. перевод, коммент. Б. Кресеня. М. : Наука и религия, 1992.
3. *Пивоваров Д. В.* Религия как социальная связь. Екатеринбург : УрГУ, 1993.
4. *Срезневский И.И.* Договоры с греками. Т. 3. СПб., 1854.
5. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1959.
6. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977.
7. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Соч. 2-е изд. Т. 1. М., 1955.
8. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М. : Институт русской цивилизации, 2010.
9. *Лосский Н.О.* История русской философии. М. : Высшая школа, 1991.
10. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Репринт. Париж : Имка-пресс, 1989.
11. *Роговин В.З.* Сталинский неонэп. М., 1992. С. 367.
12. *Роговин В.З.* Была ли альтернатива? М., 1992. С. 367.
13. *Роговин В.З.* 1937. М., 1996. С. 11.
14. *Роговин В.З.* Власть и оппозиции. М., 1993. С. 377–378.
15. *Калашиников М.* Сломанный меч империи. М., 1998. С. 501.
16. *Мухин Ю.И.* Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно. М., 1993.
17. *Жириновский В.В.* Последний удар по России. М., 1996. С. 114.
18. *Хохряков Г.Ф.* Русские. Кто мы? М., 1993. С. 150.
19. *Михалков С.В.* От ... и до... М., 1997. С. 135–136.
20. *Гачев Г.Д.* Русская дума. М. : Вече, 1991. С. 148.
21. *Гачев Г.Д.* Русская дума. М. : Вече, 1991. С. 149.
22. *Гачев Г.Д.* Русская дума. М. : Вече, 1991. С. 152.
23. *Платонов О.А.* Россия под властью криминально-космополитического режима. М. : Центполиграф, 1998, С. 39–40.
24. *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. М. : Центполиграф, 1994. С. 413.
25. См. например: *Лисичкин Г.С.* Что человеку надо. М. : Советская Россия, 1974; *Ципко А.С.* Социализм-жизнь общества и человека. М. : Молодая гвардия, 1980.